

# ПОДСТУПЫ К КАТЕГОРИИ МОДАЛЬНОСТИ В АНТИЧНОЙ РИТОРИКЕ И ЛОГИКЕ

**В. Ю. Костюченко**

*Белорусский государственный университет, Минск, Республика Беларусь,  
[bsu@bsu.by](mailto:bsu@bsu.by)*

Статья показывает, что осмысление модальности в жизни, познании и в общении с античных времен развивалось в тесном единстве логико-философских и грамматических исследований и практик. Делается вывод, что и в логике, и в лингвистике феномен модальности понимается одинаково – это отношение мысли и речи к действительности.

**Ключевые слова:** модальность; модальность в логике и языке; античная риторика; речевой акт; прагматика; иллокуция.

Представления о модальности зародились в античных философских и риторических школах. Первые упоминания о модальности относятся к V в. до н.э. Как отмечено в «Философии языка и коммуникации» (2017) Н.Б. Мечковской, впервые о модальности, то есть о том, какими, с точки зрения говорящего, бывают отношения их речей к реальности, еще до Аристотеля, писал Протагор из Абдеры [5, с. 70], «виднейший, а может быть и первый софист» [6, с. 467]. По сведениям Диогена Лаэртского, «Протагор первым разделил речь на четыре (вида): *просьба, вопрос, ответ, приказание* – и назвал их разветвлениями речей» [1, с. 33]. В терминах лингвопрагматики эти “разветвления” Протагора соответствуют модальным классам речевых актов, которые различаются по цели (намерению), которую говорящий осуществляет, сообщая то или иное высказывание. Это было началом лингвистической прагматики задолго до появления термина “прагматика” в семиотике Чарльза Пирса и до бурного развития исследований языкового общения в современной истории. Говоря о ценности учения Протагора, Н.Б. Мечковская подчеркивает, что «в истории осмысления коммуникации и языка принципиально важна сама идея разнообразия и варьирования речи, наличия разных целей, способов, манер, стилей общения» [5, с. 71]. Получается, что еще до того, как человек обратил пристальное внимание на лексику и грамматику собственно языка, его заинтересовал сам процесс общения, как при помощи речи выражаются разные коммуникативные намерения (иллокуции), какова цель обращенных к нему слов, то есть, по сути, это была метаязыковая рефлексия в современной терминологии.

В теории познания и логике основы учения о модальности были заложены Аристотелем, в его работах «Аналитики», «Метафизика», в трактате «Об истолковании имен». Основным принципом мышления Аристотель считал закон противоречия: «Невозможно, чтобы одно и то же вместе было и не было присуще одному и тому же и в одном и том же смысле» [3, с. 63]. Это Аристотель назвал «самым достоверным из всех начал», «началом для всех других аксиом» [3, с. 63]. Термина «модальность» (с латинским многозначным словом *modus* ‘образ, род, способ’) у Аристотеля не было, он использует слово ἑκκλίσις (‘склонность, наклонность’) и связывает его с тем, насколько говорящий “склонен” считать свою мысль (например, вывод из силлогизма) достоверной. В «Латинско-русском словаре» термин *modus* в своём 11-м значении определяется как ‘наклонение’ [4, с. 490].

Аристотель выделял такие модальные значения, как «необходимо», «возможно», «невозможно», «случайно». Согласно Аристотелю, «всякая посылка есть или посылка о том, что присуще; или о том, что необходимо присуще, или о том, что возможно присуще; и из этих суждений, в зависимости от того приписывается ли что-либо в них или не приписывается, одни утвердительные, другие отрицательные; и далее, из утвердительных и отрицательных одни – общие, другие – частные, третьи – неопределенные» [2, с. 11]. Аристотель выделял суждения, во-первых, аподиктические (от греч. *apodeikticos* – доказательный, убедительный): это безусловно достоверные, неопровержимые суждения, основанные на необходимости, и, во-вторых, суждения диалектические, т.е. такие, которые не исключают возможности противоположной тому, что в них утверждается, а истинность которых устанавливается путём размышления и рассуждения, то есть, по Аристотелю, «диалектически». В современной теории познания оппозиция двух логических “наклонений” Аристотеля соответствует базовой оппозиции достоверного (доказанного) знания, с одной стороны, и предположения (допущения, гипотезы), с другой.

Модальная силлогистика Аристотеля является сложной логической системой как по своему содержанию, так и по числу различных модусов. Ян Лукасевич в монографии «Аристотелевская силлогистика с точки зрения современной модальной логики» отмечает некоторую ограниченность в применении силлогизмов, однако заключает, что силлогистика Аристотеля «является системой, точность которой превосходит даже точность математической теории, и в этом её непреходящее значение» [5, с. 189–190].

Аристотелевское обозначение познавательных модальностей словом ἔγκλισις (‘склонность, наклонность’) позже, в александрийских греческих грамматиках (II в. до н.э.) и затем римских латинских и последующих средневековых грамматиках, в том числе в грамматиках церковнославянского языка, явилось первотолчком для двух логико-грамматических представлений: 1) падежи имени: ἔγκλισις, т.е. ‘склонение как изменение по падежам’, лат. *declinatio*, церк.-слав. склоненіе, которое понималось как «склонность» имен к тому, чтобы в речи «выпасть» то одной, то другой, то пятой своей гранью (то субъект действия, то его объект, то инструмент); 2) наклонения глаголов (греч. ἔγκλισις, лат. *modus*, церк.-слав. наклоненіе), понимаемые как разные “наклоны” действия (о котором сообщается в речи) по отношению к реальности.

Первое определение глагольного наклонения отмечено в анонимной александрийской грамматике: «Наклонением называется форма слова, показывающая, каково душевное движение» [3, с. 125]; ср. также близкую к нему дефиницию, построенную на внутренней форме определяемого термина: «Наклонение – душевное намерение, т.е. к чему наклонна душа» [1, с. 125]. В первой из сохранившихся александрийской грамматике греческого языка Дионисия Фракийца (II в. до н.э.) категория глагольного наклонения не определяется, но зато дан перечень наклонений, вполне сопоставимый с современной терминологией наклонений: «Наклонений пять – изъявительное, повелительное, желательное, подчинительное, неопределенное» [1, с. 125].

Таким образом, логика и грамматика с античных времен шли рука об руку в своем стремлении понять, как люди оценивают и характеризуют мысль и речь, знания и сообщения с точки зрения их достоверности, вероятности, надежности, реальности или нереальности, желательности, побудительности или долженствования. Модальные операторы «возможно», «невозможно», «необходимо», содержание которых было раскрыто Аристотелем, стали основой для формирования основных видов модальных категорий в современной логике и нашли своё отражение в языке.

Проследив развитие категории модальности в учениях античных раторов, логиков и грамматистов, можно заметить, что понимание модальности в языкознании и логике очень близко, несмотря на разные познавательные установки двух дисциплин и терминологические барьеры.

## Библиографический список

1. Античные теории языка и стиля / Науч.-исслед. ин-т языкознания Ленингр. ин-та истории, философии, лингвистики и лит. ; под общ. ред. О. М. Фрейденберг. – Л. ; М. : Соцэкгиз, 1936. – 341 с.
2. *Аристотель*. Аналитики первая и вторая : пер. с греч. / Аристотель. – Л. : Госполитиздат, 1952. – 439 с.
3. *Аристотель*. Метафизика / Аристотель ; пер. и примеч. Л. В. Кубицкого. – Л. ; М. : Соцэкгиз, 1934. – 348 с.
4. *Дворецкий, И. Х.* Латинско-русский словарь : ок. 50 000 слов / И. Х. Дворецкий. – 4-е изд., стер. – М. : Рус. яз., 1996. – 845 с.
5. *Мечковская, Н. Б.* Философия языка и коммуникации : учеб. пособие / Н. Б. Мечковская. – 2-е изд., стер. – М. : Флинта, 2017. – 514 с.
6. Словарь античности : пер. с нем. / сост. Й. Ирмшер ; редкол.: В. И. Кузицин (отв. ред.) [и др.]. – М. : Эллис Лак : Прогресс, 1994. – 704 с.